

Глава 27. А ты неплохо кормишь. Сладко.

— Что значит «запрыгивай»? Ты это сейчас серьёзно — на спину мне предлагаешь залезть?

Юноша недовольно нахмурился. Тонкая, промокшая футболка облепила его худощавую фигуру, а со лба крупными каплями катился пот.

Е Мянъ даже не шелохнулся, ответив категоричным отказом:

— Не нужно.

Взрослый парень, а туда же — кататься на чужих закорках. С ума сойти.

Е Мянъ сидел прямо на земле, пытаясь пальцами подцепить и вытащить впившиеся в подошву осколки стекла.

Его ладонь снова бесцеремонно перехватили. Раздавшийся сверху безапелляционный голос Чэн Ляна ясно давал понять, что играть в уговоры тот больше не намерен:

— Е Мянъ, если ты сам не заберёшься, мне придётся применить силу.

— Что?..

Договорить он не успел. Чэн Лян отвёл его руки от раненой ступни. Схватив за запястье и просунув другую руку ему под мышку, он рывком поднял Е Мянъ на ноги. Это было так быстро, что Е Мянъ, едва касаясь земли мысками, буквально врезался лицом в его плечо. Это больше походило на медвежьи объятия.

Удар пришёлся прямо по подбородку. Е Мянъ охнул, случайно прикусив нижнюю губу.

— Ш-ш-ш... — Он судорожно втянул сквозь зубы воздух.

Чэн Лян крепко держал его за талию. В эту удушливую жару они оказались так близко друг к другу, что их дыхание смешалось. В нос ударил приятный запах свежей травы и недорогого шампуня.

— Сама твоя нога никуда не пойдёт, — сурово отчеканил Чэн Лян. — Будешь наступать — загонишь стекло ещё глубже. А если вытащить неправильно, кровью истечёшь.

Видя, что тот всё ещё колеблется, он добавил:

— Хватит препираться. Либо так, либо я просто перекину тебя через плечо и понесу как мешок.

Он сжал его талию ещё сильнее. Е Мянью поморщился от боли — хватка у далао была железной. Он попытался перехватить чужие запястья и разжать их, но стоило ему поднажать, как соперник приложил ещё больше силы.

В итоге Е Мянью только зря растёр себе бока, а рук так и не высвободил.

Они застыли, уставившись глаза в глаза. Ни один не моргал, словно в этой нелепой дуэли взглядов решалась судьба вселенной.

Один упрямо доказывал взглядом, что он взрослый парень и не собирается позориться на чужой спине, как девчонка.

Другой с не меньшим упорством давал понять: раненый пешком не пойдёт, и точка.

— Охренеть... Что тут вообще происходит?! Брат Мянью, Далао, вы чего творите? — Наконец-то вынырнувший из своих мыслей Сун Шу изумлённо уставился на них.

От увиденного он изумлённо округлил глаза. С его ракурса парни стояли практически вплотную. Чэн Лян крепко обнимал Е Мянью за талию, а тот даже не пытался вырваться, послушно положив ладони поверх его рук.

Но самое дикое — их лица находились в паре сантиметров друг от друга. Выглядело это так, словно они...

«Мать твою, они что, целуются?!»

Внезапный вопль Сяо Шу заставил обоих вздрогнуть. Е Мянью покачнулся, потерял равновесие и всем весом навалился на Чэн Ляна.

Тот мгновенно перехватил его поудобнее, прижав к себе.

— Ладно, чёрт с тобой. Тащи меня, — проворчал Е Мянью ему прямо в ухо.

Глаза у обоих уже слезились от долгого напряжения, но уступать никто не хотел до последнего момента. Препирательства только затягивали время, а раненая нога ныла всё сильнее.

Добившись своего, Чэн Лян с довольной улыбкой посадил парня себе на спину. Повернувшись к ошарашенному Сун Шу, он бросил:

— Брат Мянью поранил ногу. Я отнесу его домой.

Е Мянью свесился с плеча своего спасителя и крикнул вслед:

— Сяо Шу, собери все наши вещи и верни дядькам из тех домов, мимо которых мы шли! Если помнишь дорогу — отнеси прямо сейчас, если нет — тащи к нам.

Закончив раздавать указания, он нетерпеливо шлёпнул Чэн Ляна по плечу:

— Давай живее, Чэн-миллионщик!

Тот лишь тихо рассмеялся, поудобнее перехватывая его бедра.

Растерянный Сун Шу выбрался на берег.

«Как Брат Мянью умудрился ногу распороть? Может, краб цапнул?»

Он огляделся. Гора барахла на берегу и впрямь внушала ужас. Никакого транспорта под рукой не было. А ведь он предлагал Брату Мянью приехать на трёхколёсном велосипеде! Тот наотрез отказался, о чём теперь явно стоило пожалеть.

Быстро натянув обувь, Сяо Шу сгрёб вещи в охапку и поспешил за ними.

— Перестань мельтешить перед глазами, у меня уже голова кружится, — проворчал Е Мянью.

Чэн Лян отнёс его в местный медпункт, где рану обработали и перевязали, а затем доставил прямо домой. Причём укладывать раненого на диван в гостиной он не стал — с тонким расчётом занёс сразу в спальню и опустил на кровать, попутно с любопытством разглядывая комнату.

— О, ты любишь мангу? — Чэн Лян вытащил один из томов со стеллажа и принялся лениво его пролистывать.

Книжные полки ломились от иллюстрированных томов, в то время как несчастный десяток школьных учебников сиротливо жался в самом дальнем углу.

— Детективы и мистика... И как тебе спится одному по ночам после такого? Не страшно?

Е Мянью проигнорировал вопрос. Он хмуро разглядывал собственную ногу. Порез-то был пустяковый, аккуратно посреди стопы, вполне хватило бы небольшого пластыря. Однако этот деятель умудрился замотать ему всю конечность так, словно там был самый сложный перелом.

Теперь на ногу невозможно было натянуть даже самый свободный кроссовок, а любое движение казалось неуклюжим и тяжёлым.

— Время к обеду. Пойду приготовлю что-нибудь. Чего тебе хочется? — Матрас рядом просел — Чэн Лян присел на край постели, всё ещё не выпуская из рук мангу. Видимо, решил всерьёз изучать увлечения своего подопечного.

— Да без разницы, хоть кашу свари. Аппетита совсем нет, — ответил Е Мянью.

Он осторожно опустил ноги на пол. Благодаря толстому слою марли наступать было почти не больно. Поморщившись от нелепости своего «копыта», он кивнул в сторону тумбочки:

— Передай мне телефон со стола.

Он не заглядывал в мобильник с самого утра, и его не покидало дурное предчувствие, что там скопился приличный завал.

Чэн Лян послушно протянул ему аппарат.

Экран вспыхнул. Предчувствие не обмануло: больше десятка пропущенных вызовов, и все — от отца. К ним прилагалось несколько текстовых сообщений.

Е Мянью нахмурился, чувствуя, как внутри нарастает глухое раздражение. Он мельком глянул на Чэн Ляна. Тот, проявив деликатность, молча поднялся с кровати, вернул мангу на полку и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Е Мянью с силой потёр виски, пытаясь унять подступающую головную боль, и нажал кнопку вызова.

Несмотря на вечную занятость отца, сейчас Е Мянью всерьёз опасался, что вся его новая семейка сорвётся и приедет прямо сюда. Этого ещё не хватало.

В трубке раздались гудки, затем послышался щелчок соединения.

— Да, папа, привет... — Е Мянью поднялся с кровати, прижимая трубку к уху.

Хотя Е Мянью просил обычную кашу, Чэн Лян не собирался отделяться столь простым блюдом. Раненого нужно было нормально покормить, чтобы тот быстрее восстанавливал силы, вот только в холодильнике шаром покати.

В этот момент в дом как раз зашёл запыхавшийся Сун Шу. Чэн Лян перехватил его в коридоре

и вручил наспех набросанный список продуктов, отправляя обратно на улицу за покупками.

Сяо Шу замялся, с опаской косясь на стоявшего у кухонной двери далао:

— Слышь, Далао, а Брат Мян-то как? Сильно ногу распорол? Всё плохо?

— Серьёзнее некуда, — с каменным лицом соврал Чэн Лян.

Сун Шу так и сел от испуга:

— Ёлки... Пойду хоть поддержу его, а потом сразу в магазин!

Бросив пакеты, он вихрем пронёсся по коридору и без стука ворвался в спальню.

Только что опустивший телефон Е Мян-вздрагнул и обернулся от окна. Он недовольно нахмурился:

— Стучаться тебя вообще не учили? Ещё немного, и петли вынес бы.

Впрочем, изменить решение отца всё равно было невозможно.

Последние несколько дней телефон разрывался от звонков. Е Чжэнцин настойчиво требовал назвать точную дату приезда. На дворе стоял август — месяц, в который Е Мян-когда-то сдуру пообещал нанести визит. К тому же приближался его день рождения, и отец твёрдо вознамерился собрать всех за одним столом.

Попытка отмазаться свежей травмой провалилась — отец счёл это дежурной отговоркой. Более того, пригрозил: раз сын не может приехать сам, он соберёт младшего брата, новую жену и прикатит к нему в гости.

От этой перспективы Е Мян-едва не лишился дара речи.

У них там своя счастливая ячейка из трёх человек, зачем насильно тащить его в этот балаган ради дежурной видимости семейного согласия? Но раз уж допустить их в свой дом он не мог ни под каким видом, оставался один выход — ехать самому.

Время близилось к полудню. Придётся быстро собрать дорожную сумку.

— Брат Мян, я слышал, ты тут чуть без ноги не остался! Дай глянуть, — Сун Шу так и прикипел взглядом к его перемотанной конечности. На лице парня читался неподдельный ужас. — Как тебя так угораздило-то?

— Да просто на стекло в реке наступил, ерунда. Уже всё обработали, — отмахнулся Е Мянъ.

Сяо Шу, разумеется, не поверил. Ага, «ерунда», а замотали так, будто собрались ампутировать.

Е Мянъ тяжело доковылял до шкафа. Вытащив наугад пару футболок и джинсы, он безжалостно запихал их в рюкзак.

Как же всё это бесило. Даже один день провести там казалось пыткой, а ведь придётся торчать целую неделю. Почему он просто не может остановиться в отеле?

Он закинул в рюкзак планшет для рисования — пожалуй, этого хватит. Никакого предвкушения от этой поездки не было, поэтому и вещи он собирал спусня рукава.

С тихим стуком дверца шкафа захлопнулась.

— Чэн Лян на кухне? — спросил Е Мянъ.

— Ага, там возится, — кивнул Сяо Шу.

— Позови его. Какой к чёрту обед, мне уезжать пора. Соберёмся и поедим где-нибудь в посёлке, я угощаю, — решил Е Мянъ. Всё-таки ребята честно пахали на него в саду всё утро, надо было отблагодарить.

Однако Сун Шу даже не двинулся с места. Вместо этого он со странным выражением лица вытащил из кармана сигарету и протянул её Е Мяню, а следом достал дешёвую зажигалку.

Е Мянъ машинально взял сигарету:

— Это ещё к чему?

— Да просто... — замялся тот. — Давно я тебе прикурить не давал, Брат Мянъ.

Е Мянъ скептически изогнул бровь:

— Ну ты и дебил. Тебе бы с тем придурком на кухне побрататься, идеальная парочка выйдет.

— Да нет же, — Сун Шу смущённо переступил с ноги на ногу. — Брат Мянъ, ты слишком официально всё воспринимаешь. Не надо со мной так. Я помогаю тебе просто потому, что ты — это ты. Свистнешь — я сразу прибегу. А эти твои ресторанные щедрости... Словно я за еду на тебя батрачу. В прошлый раз ты угостил меня мороженым, и этого более чем достаточно. Серьёзно, хорош уже.

Говорил он это абсолютно искренне.

Сун Шу действительно дорожил их дружбой. Его ничуть не задевало, когда его называли «шестёркой» или «хвостиком» Е Мяня, скорее наоборот — льстило. Стоило выдаться свободному времени, как он тут же мчался в Биньян, чтобы просто послаться вместе с Братом Мянем.

И всё же в глубине души он понимал: как бы Е Мянь ни забивал сейчас на учёбу, между ними лежала пропасть. Тот учился в обычной старшей школе, а сам Сяо Шу прозябал в профессионально-технической школе. Требования, перспективы, даже родительский контроль — у Брата Мяня всё было совершенно иного уровня.

Сяо Шу искренне хотел, чтобы его друг взялся за ум. Пусть не элитный вуз, но поступить в приличный университет ему точно по силам. Нельзя же так просто заживо себя хоронить в этой глуши. К бесконечным разговорам друга о заработках он относился двояко: с одной стороны, уважал за хватку, с другой — считал, что школьнику сейчас нужно думать исключительно о выпускных экзаменах.

Пахать на работе человек будет всю оставшуюся жизнь, а вот юность даётся лишь раз. Упустишь время — потом локти кусать будешь. Сун Шу был уверен: если бы Брат Мянь приложил хоть немного усилий, перед ним открылись бы двери лучших столичных университетов.

— Ну ты и фрукт... — вздохнул Е Мянь. Из чистого упрямства парень отказывался от нормальной еды. Впрочем, мотивы Сяо Шу были ясны: тот знал о его натянутых отношениях с семьёй и просто не хотел обременять лишними тратами.

Е Мянь шутливо пихнул его раненой ногой:

— Мазохист несчастный. Уж на обед-то в дешёвой забегаловке у меня деньги найдутся. Идёшь или как? Не хочешь — катись на все четыре стороны. Оставлю тебе шесть юаней, купишь себе тарелку жареной лапши на углу, а я сам поем.

Усевшись обратно на кровать, Е Мянь принялся безжалостно сдирать лишние слои бинта — передвигаться с этим коконом было решительно невозможно.

Сяо Шу наблюдал за процедурой с таким страдальческим лицом, будто драли шкуру с него самого.

— Да сгинь ты уже с глаз моих! — вскипел Е Мянь. — Хватит корчить скорбные мины, не помираю я. Иди лучше скажи Чэн Ляну, чтобы вытряхивался из кухни.

Кое-как впихнув ногу в кроссовок, в который он предварительно засунул дополнительную

стельку для амортизации, он притопнул. Благодаря марлевой подушке рана почти не ныла. Накинув рюкзак на плечо, Е Мянью вышел в коридор.

Чэн Лян продолжал греметь посудой на кухне. Зашедший туда Сяо Шу пропал без вести — видимо, его тут же припрягли чистить овощи.

— Чэн Лян! — крикнул Е Мянью из гостиной.

— Чего тебе? — донёсся бодрый отклик.

— Я ухожу! Тушите конфорки, не надо ничего готовить.

Чэн Лян, уже успевший поставить кашу томиться на медленном огне, вышел к нему. На нём красовался нелепый чёрный передник с огромным белым логотипом дешёвого супермаркета — когда-то Е Мянью всучили его на кассе по акции.

Сам Е Мянью никогда не заморачивался по поводу домашних шмоток, но этот фартук был объективно уродливым. Однако на высоком Чэн Ляне он, надетый поверх чистой белой футболки, смотрелся на удивление стильно и даже гармонично.

Е Мянью невольно залюбовался этой картиной, придя к очевидному выводу: если природа наградила тебя лицом и фигурой, на тебя хоть мешок из-под картошки надень — всё равно будешь выглядеть как модель с подиума.

— Чэн Лян, сними ты это убожество и иди сюда, — позвал Е Мянью.

Тот послушно стянул передник через голову и неторопливо направился к нему. Он оценивающе осмотрел Е Мянью сверху вниз и остановился на его обутой ноге.

— И что, нога уже чудесным образом исцелилась? — с неприкрытым сарказмом поинтересовался он.

— Представь себе, — буркнул Е Мянью. — Я же просил Сяо Шу передать. Чего ты там вообще забыл на этой кухне?

Вновь возникло то самое неловкое чувство. Е Мянью терпеть не мог эти их длинные, слишком пристальные взгляды. Ему категорически не нравилось, как Чэн Лян на него смотрел. В этих глазах постоянно сквозило нечто неопределённое, странное и будоражащее.

Не выдержав, он первым отвёл взгляд и позвал застрявшего на кухне друга. Но стоило ему поравняться с Чэн Ляном, как до него донёсся умопомрачительный аромат свежесваренной рисовой каши. Горло предательски сжалось от голодного спазма.

— Ладно... Пожалуй, от одной тарелки я не откажусь, — пробормотал Е Мянью, сдаваясь под натиском аппетита.

Сун Шу бросил мыть зелень, вытер руки полотенцем и, облегчённо вздохнув, выбрался из кухни.

До этого дня Е Мянью и представить не мог, что обычную рисовую кашу можно приготовить настолько божественно. Каждый глоток приятно согревал изнутри, раскрываясь нежным, едва уловимым вкусом.

Пока они уплетали обед, у Е Мянью снова зазвонил телефон.

— Да, здравствуйте... Да, всё верно. Приезжайте сегодня, прямо сейчас. Жду.

— Кто звонил? — с набитым ртом поинтересовался Сяо Шу.

— Мастера, — коротко бросил Е Мянью. — Крышу крыть. Она у меня течёт безбожно, после каждого ливня дома потоп. Если сейчас черепицу не перестелить, скоро спать под зонтом придётся.

— А, понял-понял, — закивал головой друг.

— А ну-ка, открой рот.

Низкий, чуть хрипловатый юношеский голос раздался у самого его уха. Е Мянью послушно, чисто на рефлексах, приоткрыл губы. В ту же секунду ему в рот скользнуло нечто прохладное и круглое. Он сделал пару жевательных движений, ошарашенно глядя на соседа:

— Ты чего творишь?

Чэн Лян тем временем преспокойно выудил из вазы ещё одну крупную зелёную виноградину и отправил её себе в рот.

— А что? Да просто забавно смотреть, как ты лопаешь. Решил проверить, какое у тебя будет лицо, если угостить ягодой.

— И какое же? — прищурился Е Мянью.

Чэн Лян картинно потёр подбородок двумя пальцами, делая вид, что усиленно вспоминает:

— Блаженное. Прямо-таки светящееся от удовольствия.

— Блаженное?.. — Е Мянъ едва не поперхнулся. — У тебя с глазами точно всё в порядке? Окулисту показаться не пробовал?

У него на лице читалось исключительно дикое желание врезать этому шутнику ложкой по лбу.

Чэн Лян пододвинул стул поближе и сел вплотную, склонив голову к его плечу:

— Ну, тогда это было крайнее удивление.

— Хм.

Е Мянъ бесцеремонно закинул в рот целую горсть винограда и, яростно раскусывая сочные ягоды, холодно процедил:

— Ещё бы мне не удивляться. Сам великий далао снизошёл до того, чтобы варить мне кашу и мыть фрукты. Раз уж ты у нас такой заботливый, будь добр, и посуду за мной помой.

Чэн Лян лишь усмехнулся, вальяжно закинув руку на спинку его стула.

Сидевший напротив Сун Шу упорно делал вид, что невероятно увлечён своей тарелкой. Он то и дело утыкался в экран телефона, стараясь не поднимать глаз.

А в его голове бушевал настоящий ураган:

«Офигеть, офигеть, офигеть! Что вообще между ними произошло за этот месяц?! Они уже друг друга с рук виноградом кормят! Или это у меня крыша едет и я вижу то, чего нет? Да ладно, разве нормальные пацаны станут так делать? Тем более эти двое суровых вышибал...»

Спешно дохлебав последние капли каши, Сяо Шу пулей вылетел из-за стола и скрылся на кухне.

— Открывай давай, — Чэн Лян снова потянулся к вазе. — Тебе не нужно стесняться. Если Брат Мянъ прикажет, я не то что виноградом накормлю — постираю, уберусь, приготовлю... да вообще всё что угодно сделаю.

Он полуприкрыл глаза, поднося круглую зелёную ягоду к самым его губам. В его взгляде сквозило откровенное лукавство.

— Детский сад, — фыркнул Е Мянъ.

И всё же он подался вперёд и аккуратно перехватил губами виноградину, мимолётом — чисто

из вредности — чувствительно прикусив подушечку пальца Чэн Ляна.

Проглотив сладкую ягоду, он самодовольно ухмыльнулся:

— Ладно, зачёт. Действительно сладкий.

<http://bllate.org/book/18333/1863967>